

Николай Добролюбов

**Исследование о торговле
на украинских ярмарках
И. Аксакова**

Николай Александрович Добролюбов

Исследование о торговле на украинских ярмарках И. Аксакова

«Наконец дожили мы до того времени, когда наука приходит у нас в прямое соприкосновение с жизнью и дает практически благотворные результаты! Сколько уже услуг оказала она русскому человеку в самое непродолжительное время! <...> Теперь исследование г. И. Аксакова тоже обогащает Россию, – не только в научном, но и в чисто материальном смысле. Вследствие этого исследования мы оказались – в одной части нашей торговой деятельности – богаче на 60 миллионов рублей серебром! <...> Но читатели, по всей вероятности, желают знать, каким же это образом исследования г. Аксакова обогащают нас на 60 миллионов. Мы с удовольствием готовы рассказать им это, сообщивши некоторые сведения, найденные нами в книге г. Аксакова...»

**Николай Александрович
Добролюбов**
**Исследование о торговле на
украинских ярмарках**

*И. Аксакова, действительного члена
императорского Русского географиче-
ского общества. Издано на издвение
санкт-петербургского купечества.
СПб., 1858*

Наконец дожили мы до того времени, когда наука приходит у нас в прямое соприкосновение с жизнью и дает практически благотворные результаты! Сколько уже услуг оказала она русскому человеку в самое непродолжительное время! Еще очень недавно г. Бабст подарил России 40 миллионов рублей серебром, открывши (в «Атенее»), что они совершенно даром бросались до сих пор в пользу откупщиков, за 5 миллионов ведер воды.^{1} Теперь исследование г. И. Аксакова тоже *обогащает* Россию, – не только в научном, но и в чисто материальном смысле. Вследствие этого исследования мы оказались – в одной части нашей торговой деятельности – богаче на 60 миллионов рублей серебром! Вот это результаты действительно хорошие; пред ними должны побледнеть даже блестящие результаты исследователей, прославлявшихся в прежнее время тем, что открыли псевдоним, которым подписано ничтожное произведение замечательного писателя, или тем, что основательным исчислением решили вопрос о том, сколько раз употреблен ъ вместо ь в древней рукописи. Без сомнения, и эти заслу-

ги были важны в свое время; но они уже не могут быть признаны столь существенными ныне, когда наука стала дарить нас миллионами рублей серебром. Стоит только идти кому следует, да и взять эти миллионы, сказавши спасибо науке.

Но читатели, по всей вероятности, желают знать, каким же это образом исследования г. Аксакова обогащают нас на 60 миллионов. Мы с удовольствием готовы рассказать им это, сообщивши некоторые сведения, найденные нами в книге г. Аксакова.

В 1847 году санкт-петербургское купечество пожертвовало в Географическое общество 5000 рублей серебром с тем, чтобы они употреблены были на исследование внутренней торговли России. Эти-то пять тысяч, пущенные в оборот науки, и принесли такие громадные проценты. Общество решилось производить исследования о русской торговле и, между прочим, в 1853 году отправило г. Аксакова в экспедицию для исследования украинских ярмарок, «которые при огромных своих оборотах и чрезвычайно важном влиянии на промышленность и коммерческое

развитие всей России известны менее других». Результатом трудов г. Аксакова было «Исследование о торговле на украинских ярмарках», представляющее дело совсем в ином виде, нежели как оно известно было по прежним данным. Довольно сказать, что, по прежним официальным сведениям, в 1854 году на одиннадцати главных украинских ярмарках было товаров:

*привезено..... на 59 290 172 рублей се-
ребром
продано..... на 32 402 433 « «*

По исчислениям же г. Аксакова, «основанным на личных изысканиях и расспросах» (стр. 47) в том же году, всех товаров было:

*привезено..... на 127 750 000 рублей
серебром
продано..... на 80 750 000 « «*

Отчего же происходит такая разница? – спросят читатели. Может быть, г. Аксаков прибавил в свой счет несколько ярмарок, которых обороты не входили в официальное исчисление? Может быть, он сосчитал все, что только продается на Украине, на всех сель-

ских ярмарках, на которые товар большею частью привозится с тех же главных, оптовых ярмарок, исчисляемых в официальных ведомостях? В таком случае – не диво, если цифра у него значительно возвысилась, потому что сельских ярмарок в одной Харьковской губернии 425 да в Полтавской 372. Правда, что не было бы дива, если б было так. Но вот что диво: г. Аксаков считает обороты именно только оптовых ярмарок тех самых одиннадцати, о которых имеются официальные ведомости. И по его исследованиям выходит вот такая параллель.

В 1854 году было на украинских ярмарках привезено товаров:

Такая же разница и в цифре продажи. В 1854 году на украинских оптовых ярмарках продано:

	По офиц. вед.	По частн. изыск.
На Ильинской	14 151 791 руб. сер.	30 000 000 руб. сер.
« Крещенской	13 652 411 « «	40 000 000 « «
« Кролевецкой	5 754 891 « «	7 500 000 « «
« Коренной	5 085 806 « «	10 000 000 « «
« Успенской	5 338 770 « «	12 000 000 « «
« Маслянской	4 526 680 « «	7 000 000 « «
« Покровской	4 375 338 « «	9 000 000 « «
« Вознесенской	2 554 615 « «	6 000 000 « «
« Троицкой	1 068 170 « «	1 250 000 « «
« Сумской	1 801 900 « «	3 000 000 « «
« Елисаветградской	979 800 « «	2 000 000 « «

	По офиц. вед.	По частн. изыск.
На Ильинской	8 247 936 руб. сер.	18 000 000 руб. сер.
« Крещенской	9 790 563 « «	25 000 000 « «
« Кролевецкой	3 492 410 « «	5 000 000 « «
« Коренной	2 125 600 « «	7 000 000 « «
« Успенской	2 071 640 « «	8 000 000 « «
« Маслянской	1 976 315 « «	4 000 000 « «
« Покровской	1 365 744 « «	6 000 000 « «
« Вознесенской	1 155 345 « «	3 000 000 « «
« Троицкой	920 470 « «	1 250 000 « «
« Сумской	696 340 « «	2 000 000 « «
« Елисаветградской	558 800 « «	1 500 000 « «

Из сложения этих цифр и выходит общая

цифра ярмарочных оборотов, приведенная выше.[1]

Каким же образом могла произойти такая страшная разница? Разве г. Аксаков отыскивал новые предметы торговли, на которые прежде не обращали внимания и которые не входили в общее исчисление? Отчасти так; но все количество предметов, вновь введенных в общий счет г. Аксаковым и не показывавшихся в прежних ведомостях, далеко не могло дать такой значительной разницы. Она просто зависела от того, что, по исследованиям г. Аксакова, все почти товары на ярмарках оказались в большем количестве и на большую сумму. Пересматривая сведения, сообщенные г. Аксаковым, мы заметили особенно чудовищную разницу в показаниях г. Аксакова с прежними ведомостями относительно количества – лошадей, рыбы, меду, воску, сала и бичевочного товара. Чтобы показать, до чего может доходить неверность показаний, обыкновенно принимаемых за несомненные в нашей статистике, – мы выберем здесь из показаний автора сведения о лошадях.

Торг лошадьми составляет одну из глав-

ных статей в украинской ярмарочной торговле. Первые производители и поставщики этого живого товара на Украине – помещики; от них продаются лошади купцам, называемым обыкновенно барышниками, и ремонтерам. Положение конноярмарочной торговли на Украине «обуславливается, – по мнению автора, – существованием кавалерийских военных поселений и вообще пребыванием кавалерийских полков на Украине и на юге России. Убавление кавалерии повлечет за собою необходимые изменения и в торговле лошадьми на украинских ярмарках» (стр. 286). Но, пока еще нет этих изменений, мы должны быть благодарны г. Аксакову за представление верных или по крайней мере приближающихся к истине данных относительно того, что существует. Вот сравнительное исчисление по двум источникам, сколько лошадей продано было на украинских ярмарках в 1854 году:

Разница в цифрах значительна. Цифры г. Аксакова превышают официальные цифры средним числом вчетверо; а по Вознесенской, например, ярмарке – в 23 раза! Весь итог кон-

	По офиц. вед.	По частн. изыск.
На Крещенской	на 269 730 руб. сер.	1 000 000 руб. сер.
« Маслянской	« 56 000 « «	350 000 « «
« Вознесенской	« 10 600 « «	250 000 « «
« Коренной	« 50 000 « «	400 000 « «
« Сумской	« 23 980 « «	250 000 « «
« Ильинской	« 273 080 « «	900 000 « «
« Успенской	« 26 630 « «	75 000 « «

ной продажи в официальных данных – 813 020 руб. сер., а по изысканиям г. Аксакова – 3 225 000 руб. сер.[2]

В этом же роде и другие численные различия. Например, торговля рыбою показывалась прежде на украинских ярмарках простирающуюся до 205 000 руб. сер., а г. Аксаков утверждает, что она доходит до миллиона и что на одной Успенской ярмарке рыбы продается на 100 000 руб. сер. А эта ярмарка, по официальным отчетам, почиталась самою бедною по отношению к рыбной торговле: на ней показано было рыбы в 1854 году всего на 4700 руб. сер. Меду продается, по известиям г. Аксакова, на 271 500 руб., вместо официальных 35 436 рублей; на одной Успенской яр-

марке на 100 тысяч, тогда как в ведомостях значится 2350 руб. Воску – на 550 тысяч вместо официальных 150 000. Бичевочного товара – на 316 тысяч вместо официальных 77 195 руб. и т. д.

Не во столько раз уменьшена, но все-таки замечательна по значительности разницы и цифра цены мануфактурных товаров, показанная в ведомостях. Она простирается здесь до 16 481 260 руб. сер.; а г. Аксаков полагает, что она должна быть по крайней мере не менее 22 000 000.

Однако мы всё только приводим разительные примеры; а для читателя, не знакомого с делом, остается по-прежнему загадочным: отчего же происходит такая страшная разница? Каким волшебством произвел г. Аксаков, что в одном месте вдруг явилось в 23 раза больше, чем прежде, лошадей, в другом – рыбы в 21 раз больше, в третьем – меду прибавилось в 43 раза и т. п.? Ведь это просто читаешь и глазам не веришь... Где же объяснение загадки?

Объяснение ее очень просто: г. Аксаков собирал сведения с большим усердием и добро-

совестностью, чем прежние составители ярмарочных отчетов. Механизм собирания статистических сведений о ярмарках представляет весьма мало гарантий против всякого рода неверностей, пропусков, недосмотров и т. п. Все основывается на словесных показаниях торговцев, а известно, как ведется вообще наша торговля. За вчерашний день едва может купец сказать вдруг, сколько он продал товару, не то что за целую ярмарку. А тут в конце ярмарки, во время последних счетов и сборов, является квартальный надзиратель с вопросами, чего на сколько продано... Разумеется, купец второпях соврет что-нибудь, да и дело с концом. Во-первых – ему некогда; во-вторых – точной цифры он и сам не знает; в-третьих – никогда не мешает показать менее, чем следует; в четвертых – какая надобность беспокоить свою память и соображение отыскиванием настоящей цифры? Коли сразу попадет, так ладно; а не попадет, так кому какой от того убыток, что в ведомости будет наврано? Ничего, – что хочешь пиши, коммерции до этого горя мало. Таким манером и выходит в итоге шестьдесят миллионов вместо

ста двадцати.

Чтобы показать, до какой степени доходит небрежность в составлении ведомостей о торговле на ярмарках, мы приведем отзыв об этом самого г. Аксакова (стр. 48):

Нельзя не пожалеть о том, что ведомости, доставляемые полициями или ярмарочными комитетами об оборотах каждой ярмарки в министерство внутренних дел, составляются так небрежно и исполнены таких грубых ошибок. В каждом ярмарочном пункте пишут их на свой лад и образец, и оттого почти невозможно им сделать общего свода: в иной ведомости показываются отдельно сукна, шелковые и шерстяные материи, в другой все эти три товара соединены в одну категорию, в третьей вовсе не упомянут иной крупный товар, а означены мелкие товары, привоз которых не достигает цифры и одной тысячи рублей серебром. В иной год, по забывчивости или, лучше сказать, по весьма естественному равнодушию квартального надзирателя, вовсе пропущены некоторые товары, тогда как они были на яр-

марке, да и в ведомостях прежних лет показывались. Или же в нынешнем году вдруг придет ему в голову поправить ошибки прежних лет и включить товары, действительно привозимые, но в прежних ведомостях пропущенные. Квартальный надзиратель забыл или вспомнил, а статистики ломают себе голову и выводят заключения, что «возникло требование на товар, которого прежде не привозилось», или в «торговле замечается упадок», и т. п. ошибочные выводы.

Без всякого сомнения, и данные, находящиеся в книге г. Аксакова, не вполне еще верны. Его встретило в его изысканиях то же препятствие, которое было главною помехою и при собирании официальных сведений, — именно, неприязненное расположение к подобным сведениям, образовавшееся в самом торговом сословии. Конечно, г. Аксаков употребил, с своей стороны, столько стараний и рвения, он приступил к делу с таким знанием и такой любовью, какими не отличался, разумеется, ни один из официальных составителей ярмарочных ведомостей. Но и его встре-

тили такие затруднения, которые заставили его сознаться, что у нас в настоящее время «люди, чуждые по образу жизни торговому быту, едва ли могут обнять все условия, все частности торговли с безошибочной верно-стью». Исчисляя эти затруднения, г. Аксаков говорит: «Отсутствие гласности, необходимость лжи, опасность правды, духовная разобщенность народа с сословием так называемым образованным, – весь этот печальный порядок вещей, естественно породивший в торговом классе скрытность, невежество, подозрительность, недоверчивость к лицам дворянского или чиновнического сословия, – полагал нам неимоверные преграды, заставил нас испытать много тягостных ощущений» (стр. 49). Впрочем, г. Аксаков нашел нескольких просвещенных и добросовестных торговцев, которые и сами собирали и сообщали автору статистические сведения для его труда и к тому же побуждали прочих своих собратий; г. Аксаков исчисляет их имена: это всё большею частью значительнейшие фабриканты и торговцы украинских ярмарок.

Как забавный образчик того, какие иногда

бывают последствия утайки торговцами точных сведений, мы сообщим здесь историю перевода Ильинской ярмарки из Ромна в Полтаву.

В Ромне, уездном городе Полтавской губернии, издавна существовали четыре ярмарки, из которых три были оптовые. По-видимому, это должно было способствовать обогащению и украшению города и усилению населения. Но малороссийские обитатели Ромна не воспользовались своим положением, и г. Аксаков в этой беспечности и равнодушии находит отличительную черту малороссийского населения. По его замечанию, в великорусских купцах гораздо более развито стремление лучше устроиться. Чисто малороссийские города представляют, по его словам, вообще весьма печальный вид. Кролевец, где ежегодно бывает богатая ярмарка, в течение уже 200 лет кажется жалкой деревней в сравнении, например, с Нежином и Путивлем, которые отстоят от Кролевца всего на 50 верст, но из которых первый обстроен греками, а второй – город великорусский... Так и Ромен: он несравненно хуже, чем, например, Сумы,

хотя его ярмарки в десять раз превосходят сумские. В Ромне всего 15 каменных домов и 76 капиталов, включая и еврейские; а в Сумах 97 каменных домов, кроме лавок, и 69 купеческих капиталов. Все это г. Аксаков приписывает тому, что Сумы – город великорусский, а Ромен – уже чисто малорусский. В Ромне, между прочим, с 1802 года заведен был особый сбор для устройства каменных рядов. Сбор этот составлялся посредством вычетов из суммы, платимой иногородними купцами владельцу за наем лавок. Капитала набралось уже до 300 000 рублей серебром; но к постройке всё не приступали. Роменцы находили для себя выгодным получать доход за старые дощатые лавки; а новый гостиный двор, по их предположениям, мог быть обращен в пользу города. И не только строить новых лавок, – они и старых-то поправлять не хотели, а знали только – возвышали наемную плату. Доходило до того, что они брали с крестьян деньги за то, чтоб пустить их в сарай днем, во время дождя. В то же время – как размеры торговли на ярмарках, так и доходы жителей показывались постоянно в уменьшенном виде. О

размере этих уменьшений можно судить по следующей заметке г. Аксакова. В 1854 году жители получили дохода с ярмарки, по официальным сведениям, 11 000 руб. сер. Но им принадлежит около 350 лавок; если бы средним числом положить по 60 руб. (а красноярские лавки платят по 100 руб. и дороже), то выйдет с лишком 20 000, кроме найма квартир и пр. Все подобные обстоятельства были на виду у высшего местного начальства, когда оно задумало перевести Ильинскую ярмарку из Ромна в Полтаву, с целью оживить этот город, дать ему доходы и возможность обстроиться. Услышав об этом намерении, роменцы взволновались: упустить из рук верный и без всяких хлопот получаемый доход не хотелось и им. Поднялись голоса, утверждавшие, что для ярмарки нельзя найти места лучше Ромна, что тут и обычай, и старые предания, и центральное положение Ромна, между Курском и Харьковом, Сумами и Кролевцем, — все благоприятствует торговле. Но им возразили официальными ведомостями, показавшими, что Ильинская ярмарка падает в Ромне, что доходы жителей ничтожны и

г. д. «Таким образом, – замечает г. Аксаков, – и жители и купцы были наказаны за свою привычку утаивать истину в показаниях об оборотах торговли и о доходах» (стр. 98). Ярмарка была переведена в 1852 году, и капитал, собранный в Ромне, решили передать в Полтаву на постройку гостиного двора. Роменцы вступились за свою собственность, и половину капитала уступили им, но другую, к их крайнему огорчению, все-таки перевели в Полтаву.

Сначала опасались за будущность Полтавской ярмарки, и местное начальство старалось всеми мерами ей покровительствовать. В числе этих мер особенно замечательна одна, о которой г. Аксаков говорит следующее (стр. 115):

Заботливость местного высшего начальства доходила до того, что, желая присвоить Полтавской ярмарке общий характер возникновения ярмарок – какую-нибудь религиозную причину народного сборища, оно вспомнило про чудотворный образ в селе Горбаневке, в 5 верстах от Полтавы, и распорядилось об установлении ежегодно-

го хода для перенесения иконы из Горбаневки в Полтаву на все время Ильинской ярмарки. Малороссия не в такой степени любит церковные процессии, как Великая Русь: крестные ходы в ней редки и, несмотря на все усилия начальства, несмотря на утвержденный церемониал с конными жандармами и гарнизонными солдатами, ему не удалось сообщить крестному ходу той торжественности, того искреннего религиозного характера, которым запечатлены все подобные, сами собою создавшиеся, явления религиозной жизни народа на Великой Руси.

Ярмарка, однако же, удалась блистательно. По официальным ведомостям оказалось даже, что она превосходит количеством своих оборотов самую сильную из украинских ярмарок – Крещенскую. Г-н Аксаков признает это, однако же, несправедливым и приписывает такой результат официальных сведений единственно тщательности при их собирании. «Дело в том, – говорит он (стр. 60), – что Полтавская ярмарка, как новая и возбуждавшая сильные прения, была подвергнута более

внимательному наблюдению; описание ее было поручено не полиции, а особому заслуженному чиновнику, издавна занимающемуся статистикой Полтавской губернии, тогда как ведомости о Харьковских ярмарках (и о Крещенской в том числе), не возбуждавшие любопытства публики, продолжали составлять по прежним формам».

Впрочем, и обороты Крещенской ярмарки в 1854 году вдруг увеличились в официальных отчетах на три миллиона против предыдущего года (13 вместо 10). Между тем, по общему отзыву торговцев, ярмарка 1853 года была лучше, чем в 1854 году, когда, по случаю начавшейся войны, «цены на многие товары упали и вообще торговля на некоторое время смутилась». Поэтому насчет внезапного увеличения оборотов Крещенской ярмарки г. Аксаков излагает следующее весьма основательное мнение: «Мы думаем даже, что это мнимое усиление оборотов Крещенской ярмарки 1854 года произошло оттого, что мы в 1854 году обратились с просьбою к местному началству и к ярмарочному комитету о составлении более тщательных ведомостей и сообще-

ли чиновникам полиции, обязанным составлять ведомости, некоторые указания и советы».

Такова *общественная* заслуга исследований г. Аксакова, состоящая в открытии и обнародовании сведений, совершенно изменяющих в глазах публики размеры украинской ярмарочной торговли. Каких трудов и усилий стоило это автору, сколько препятствий должен был он преодолеть, какая неутомимая отвага нужна была для того, чтобы пуститься в этот темный лес русских торговых сделок и счетов, — об этом нечего распространяться. Всякий, кто хоть по слухам знает ход нашей внутренней торговли, оценит труды автора и не откажет ему в искренней благодарности за его добросовестное исследование, дающее нам такие замечательные результаты.

Но и независимо от этих результатов мы не можем не обратить внимания читателей на достоинства книги г. Аксакова со стороны ученой и литературной. Сочинение его разделяется на две части. В первой представлена характеристика каждой ярмарки в отдельности и представлено несколько заметок о мест-

ностях, в которых они учреждены. Во второй изложены сведения о торговле на этих ярмарках, по каждому товару в отдельности. Эта часть отличается особенной подробностью и доходящим до мелочей обилием цифр. Здесь всего яснее можно видеть, каких громадных подготовительных работ стоило автору его исследование. К сожалению, в цифрах и здесь вкрались ошибки и некоторые недосмотры; их, впрочем, едва ли и можно было избежать при огромности отдельных счетов, которые нужно было свести автору, и при беспорядочности ярмарочных ведомостей, отчасти служивших ему материалом. Мы упоминаем здесь об этом потому только, что в книгах, подобных труду г. Аксакова, точность цифр составляет важнейшее достоинство и каждая опечатка бросается в глаза. Говорят, что купцы собираются опровергать некоторые из цифр, представленных г. Аксаковым. Этого надобно даже желать, потому что в дельной, *реальной*, так сказать, полемике по этому случаю могут еще более выясниться многие вопросы, может быть не вполне обнятые г. Аксаковым. Жаль, что он не изложил с некоторою

подробностью историю о собирании им статистических сведений и даже редко ссылается на источники, из которых то или другое сведение им почерпнуто. Если бы это было сделано, то известия его получили бы еще больше значения в отношении к их правде и достоверности. Между тем о способе собирания сведений у г. Аксакова говорится только на той странице «Введения», из которой выше мы сделали выписку.

«Введение» г. Аксакова, довольно обширное (50 страниц), представляет общую характеристику украинской ярмарочной торговли и отличается большой живостью изложения и тонкими чертами наблюдательности над различными явлениями и принадлежностями ярмарочного торгова. Вначале автор делает краткий очерк исторических судеб Малороссии и из истории ее выводит причины преимущественного развития на Украине ярмарочного характера торговли. Городская жизнь слабо развита была в Малороссии; кроме крестьянства, в ней было сильно только казачество. С изменением политических отношений Малороссии и казаки расселились

по селам и местечкам и предались мирным сельским занятиям. Но казак не стал купцом, и торговля его ограничилась продажей сельских произведений. Города заселялись плохо, купеческий промысел развивался слабо, малороссийская лень мешала усилению торговой деятельности. Этими обстоятельствами воспользовались великорусские купцы и евреи, явившиеся сюда с предложением своих товаров и с запросом на местные продукты. Это очень понравилось ленивым обитателям Малороссии, и по всей Украине распространился этот *подвижной, ходячий* торг, по выражению г. Аксакова. «В самом деле, – прибавляет он, – что может быть удобнее этого порядка: сидеть дома, зная, что не замедлит появиться ярмарка с купцами, которые и привезут товары и купят товары».

Нашествие великорусских торговцев на Украину особенно усилилось со времени уничтожения внутренних застав и прекращения пошлинного сбора. Наплыв великорусов не прекращается и до сих пор, но характер его изменился в том отношении, что теперь великорусы приобретают оседлость в Малорос-

сии и усиливают в ней развитие городской жизни. Они ворочают торговыми делами на Украине; ими же обстроиваются и поддерживаются города. В самой торговле замечается резкое различие между купцом малороссийским и великорусским. Во-первых, малороссиянин не любит торговаться и запрашивать. Если вы ему станете давать меньше, чем он спросил, он вам флегматически ответит: «и то гроши» (деньги), и отвернется в сторону. Во-вторых, малороссийский торговец не отпускает ничего в кредит, между тем как «вся русская торговля, – по замечанию г. Аксакова, – основана на самом дерзком, безумном кредите, на самом отчаянном риске, не обуздываемом никакими банкротствами» (стр. 9). Нигде, конечно, это явление не достигает таких громадных размеров, как на украинских ярмарках. Особенно развилось оно здесь, по замечанию г. Аксакова, после издания тарифа 1822 года.^{2} Под влиянием этого тарифа мануфактурная промышленность (которой произведения составляют главные предметы торговли на украинских ярмарках) усилилась с такою невероятною быстротою, что скоро ко-

личество произведений оказалось несоразмерным требованию. При недостатке сбыта цены понизились до такой степени, что сделки между фабрикантами и оптовыми торговцами сделались неудобными для сохранения взаимных выгод. Фабриканты сами стали ездить на ярмарки, чем подорвали многих купцов. Но постоянно увеличивавшаяся масса привоза, при совместничестве{3} фабрикантов и крайней дешевизне товара, заставила их прибегать к новым, искусственным средствам для привлечения покупателей. Таким образом, желая угодить своим покупателям, фабриканты, не довольствуясь сбытом их собственных изделий, нередко держат в своих лавках чужие, купленные товары, чтобы покупатель, нашедши у них все нужное, не имел надобности заходить в другую лавку и заводить с нею торговые сношения. Но самое главное средство привлечения заключается в кредите: кто больше кредитует, тот больше и товару сбывает. Само собою разумеется, что при этом цена товаров возвышается, и на этом основаны сделки фабрикантов с розничными купцами, которым они продают оптом

свои изделия. Кредит обыкновенно дается от одной ярмарки до другой, на 6 месяцев, а иногда продолжается на 12 и даже на 18 месяцев. Накупивши товаров, купец старается пустить их в оборот по той же кредитной цене, а иногда даже несколько дешевле, чтобы через месяц или два уплатить фабриканту деньги, вычитая в свою пользу проценты за все остальные месяцы. Выгода при этом бывает довольно значительна: некоторые фабриканты признавались г. Аксакову, «что если покупатель два раза сряду забирает товары (разумеется, в одинаковом количестве) и за один раз заплатит сполна по кредитной цене, а за другой и вовсе не заплатит, то они, конечно, не в выгоде, но и не в существенном убытке» (стр. 21). Это признание дает понятие о высоте кредитной цены на ярмарках, и вовсе не удивительно при этом, что, несмотря на случающиеся банкротства (не столь частые, впрочем, как можно бы было ожидать), купцы не унимаются в своем риске и кредитуют до последней возможности. По словам г. Аксакова, всякий новый покупатель, забирающий товара тысячи на три серебром за наличные деньги, при-

обретает тотчас же кредит тысяч на тридцать; в следующий раз он заплатит тысячи три-четыре и опять пользуется таким же неограниченным кредитом. И всего замечательнее при этом, что кредит ничем не обеспечен, кроме «доброй славы» плательщика между купцами и взаимных выгод. Вот что говорит об этом г. Аксаков: «Чем может обеспечить еврей забор товаров, нередко превышающий во 100 раз его денежные средства? Каким-нибудь домишком, слепленным из глины и хворосту, в каком-нибудь отдаленном еврейском захолустье! Взысканием по закону? Но где отыскивать еврея по всему Западному или Новороссийскому краю, да и время ли купцу этим заниматься! Обанкротится еврей, назовется вместо Мошки Лейбой и продолжает торговлю в другом месте. Чем обеспечен кредит фабриканта крестьянину Ковровского уезда, нередко помещицкому? Ничем. Сам купец виноват в том, что ему верит! А попробуй он не верить, так товар и останется на руках» (стр. 23). И купцы не только кредитуют, но даже, в случае банкротства должника, большею частию отказывают-

ся от судебного преследования, зная, что оно только погубит человека, не принеся им никакой существенной пользы. Они возьмут с должника сколько можно – по 50, по 30 копеек за рубль, побранят его за неосторожность и опять кредитуют в надежде, что «авось поправится». И если действительно поправится, то настоятельно потребуют от него уплаты за старое. Мы хотели бы многое еще привести из сочинения г. Аксакова, но боимся слишком растянуть нашу рецензию. Надеемся, что представленные нами извлечения могут дать понятие о том, какие любопытные факты и замечательные особенности представляет украинская ярмарочная торговля и какой интерес должно иметь сочинение, чрезвычайно основательно и живо излагающее эти факты и характеризующее эти особенности. Смело можно сказать, что «Введение» г. Аксакова прочтет с удовольствием всякий, даже мало интересующийся нашей внутренней торговлей. Самое же исследование представляет обилие цифр и частных показаний, которые не представляют общей занимательности для большинства, но будут чрезвычайно полезны

и важны для людей, специально интересующихся делом. Мы не делаем извлечений из массы этих цифр и показаний именно в том убеждении, что всякий, кому интересна украинская торговля, непременно сам обратится к «Исследованию» г. Аксакова как к единственному капитальному труду по этой части.

Сноски

1

Нам очень жаль, что в превосходную книгу г. Аксакова вкралось несколько важных погрешностей, именно в цифрах. Автор, по-видимому, очень заботился об исправности издания и в начале книги просит читателей прежде, чем приступят к чтению, исправить ошибки, согласно с указанием, помещенным в конце книги. Но мы встретили несколько ошибок, не указанных в конце книги, хотя они и важнее тех, которые указаны. Для примера укажем на ту самую страницу, с которой мы взяли приведенные нами цифры. В итоге от сложения цифр продажи, по официальным данным, должно стоять 32 401 163, а не 32 402 433. Частные цифры о товарах представляют разноречие с другими страницами книги. Так, привоз на Ильинской ярмарке на стр. 46 и 59-й показан 14 151 791, а на стр. 115-й – 14 751 791. Продажа – на стр. 46 и 115-й – 8 247 936, а на стр. 59-й – 8 257 936. Продажа на Кре-

ценской ярмарке, на стр. 46-й и 65, – 9 790 563, а на стр. 59-й – 8 790 563. Тут уже разница на целый миллион. Привоз на Успенской ярмарке – на стр. 46–5 338 770, а на стр. 69, 72-й и 79-й – 5 298 770. Продажа на той же ярмарке, на стр. 46-й – 2 071 640, а на стр. 69, 72-й и 79-й, – 1 986 610. На Маслянской ярмарке привоз – стр. 46–4 526 680, а стр. 102–4 562 680. Разноречия эти, конечно, не важны в общем; но неприятно то, что они попались именно в общих итогах. Заметивши их, уже не так смело полагаешься на цифры, относящиеся к частным сведениям, касательно разных предметов торговли. Г-н Аксаков с справедливым негодованием отзывается о небрежности, с которою составляются ярмарочные росписи. Тем большей строгости и тщательности нужно было ожидать в его собственной книге. К сожалению, ошибки, замеченные нами на одной странице в общих итогах, – не оправдывают этих ожиданий. Мы, впрочем, оставили те цифры, какие нашли у г. Аксакова, потому что не везде могли решить, какую цифру считать верною и какую принять за опечатку.

[^^^]

2

Итог официальный выражает цену *проданных* лошадей, итог же г. Аксакова относится вообще к лошадям, *приведенным на продажу* (по стр. 285). Но в частных показаниях о товарах каждой ярмарки порознь г. Аксаков ставит те же самые цифры, означая ими товары *проданные*. На стр. же 285 он сам говорит, что не все лошади продаются, а 1/5 часть остается нераспроданного. Отчего произошло это противоречие, мы не знаем. Впрочем, оно мало изменяет положение вопроса: официальный итог цены лошадей, *приведенных на продажу*, не превышает 1 070 633 руб. сер.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Речь идет о расчете экономиста И. К. Бабста, приведенном им в заметке «Еще несколько замечаний об откупной системе» («Атеней», 1858, № 35, стр. 523–530). Подсчитав, что годовая норма потребления вина в губерниях с акцизно-откупной системой составляет около 22 миллионов ведер, а откупщики в 1856 году забрали у казны лишь 17 миллионов ведер, Бабст пришел к выводу, что недостающую разницу до годового потребления откупщики восполнили водой, за которую они и выручили 40 миллионов рублей дохода.

[^^^]

2

Этим тарифом протекционистского характера запрещался ввоз в Россию многих товаров (льняные и хлопчатобумажные ткани, изделия из железа, меди, стекла, фаянса и др.), в результате чего создавались условия, способствовавшие развитию русской промышленности.

[^^^]

3

Совместничество – здесь: соперничество, конкуренция.

[^^^]

[^^^]